

А. П. Ладинский

**Последний путь Владимира
Мономаха**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
А11

А11 **А. П. Ладинский**
Последний путь Владимира Мономаха / А. П. Ладинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 384 с.

ISBN 978-5-458-23002-5

Герои исторического романа "Последний путь Владимира Мономаха" - легендарные правители Древней Руси, великие киевские князья, воины, жители городов и посадов. Это было время, когда Русь являлась частью Европы, когда киевские князья брали в жены дочерей английского короля, а своих сестер выдавали замуж за германских императоров. Рассказывая о судьбах героев, автор как бы создает громадное многоцветное и живое историческое полотно, глобально охватившее средневековую Европу. Репринтное издание по технологии print-on-demand по оригиналу 1987 года.

ISBN 978-5-458-23002-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

возвращались вместе с Мономахом, неожиданно изъявившим желание свернуть с киевской дороги и направиться в Переяславль. Таких было трое — боярин Илья Дубец, отроки Андрей и Даниил. Трое дружинников, три разных судьбы и три коня. Вороной, с белой отметиной на лбу, серый в яблоках и гнедой. Илья ехал спокойно, как человек, всего перевидавший на свете и постигший, что мало пользы в пустой человеческой суете, и в его русской бороде уже серебрилась седина. Андрей был молод, в гридне отрока прозвали за золотые волосы Злат. Он состоял в дружине Ярополка княжеским гусяром, потому что его персты искусно перебирали струны и песни легко слетались к нему, когда на пирах нужно было петь славу князьям. Злата учили, что мир и все сущее в нем сотворено в шесть дней богом — солнце и звезды, люди и звери, моря и горы, — но книжная премудрость не объясняла всех загадок бытия: всюду слышались Злату волнующие зовы, таинственные шорохи в дубравах. Порой, когда, закинув за плечо гусли, он ехал верхом по берегу лунной реки и месяц трепетал на водяной ряби, ему казалось, что русалки смеются серебряным смехом в прибрежных ракигах. Ему снились странные сновидения, и как только ночь покрывала землю своей огромной черной мантией, всюду чудилась в мире некая прекрасная тайна. Теперь Злат смотрел на холодное солнце и с тревогой спрашивал себя: вернется ли весна и прилетят ли птицы из южных стран? Все вокруг как бы замерло в беспробудном оцепенении, медведи храпели в берлогах, а деревья в инее умолкли в блаженном забытии, и ему захотелось разбудить это сонное царство звоном золотых струн. Однако еще не пришел час, гусли лежали под овчиной на задних санях, спрятанные от князя, предпочитавшего под старость греховным песням божественные псалмы.

Когда обоз выехал из рощи и спустился в ложбину, далеко среди чернеющих кустов появилась рыжая лисица. Низко припадая к земле и замата следы пушистым хвостом, она бежала по снегу, потом остановилась на мгновение, по-кошачьи брезгливо подняв переднюю лапу и повернув острую мордочку в сторону людей. Злату даже показалось, что она хищно оскалила мелкие зубы, напомнив о тех лукавых улыбках, какими греческие вельможи имеют обыкновенное сопровождать свои льстивые речи. Воздух не был прозрачным, и морозная мгла прикрывала дали, но, сражаясь с печенегами и половцами, русские воины не только переняли у них способы ведения конного боя и научились бить

стрелой любую птицу на лету, чему весьма удивлялся некий рабби Петахья, проезжавший в здешних местах и оставивший любопытное описание своего путешествия, но и до крайности обострили свое зрение. Злат ясно видел злой огонек в лисьих глазах.

Съехав с дороги, он с быстротою молнии выхватил из кожаного колчана упругий лук и вставил в тетиву смертоносную тростинку.

Остановив коня, Илья Дубец неодобрительно покачал головой:

— Не пускай стрелу!

Отрок вскинул на него глаза:

— Не долетит?

— Может, и долетит. Но лиса уйдет, и ты стрелу потереешь напрасно. Где искать ее в снежном поле?

Увы, лиса уже исчезла за сугробом, и Злат с сожалением опустил лук. Проезжавшие мимо отроки смеялись над неудачным стрелком, прозевавшим добычу. А он метко попадал в цель, и его стрелы щетинились железными остриями, мохнатились орлиным оперением. Ради этих тугих шелковистых перьев Злат лазил с другими отроками на высокие дубы, чтобы доставать в гнездах орлят, и терпеливо выращивал на своем дворе глазастых птенцов, больно щипавших пальцы крепкими клювами, когда он кормил их.

Отрок Даниил, для которого ничего святого не было на свете, хотя он и прочел множество книг, знал священное писание не хуже епископа и в переяславском дворце забавлял князя Ярополка и его красивую супругу греческими притчами, рассмеялся.

— Велика звериная хитрость. Бывает, что лиса притворяется мертвой и лежит как бездыханная, а когда к ней слетаются птицы, чтобы клевать трупное мясо, она ловит их и пожирает. Вот и Христос уподобил Ирода лисице.

Воевода Фома Ратиборович, горбоносый, с проседью в черной бороде, с круглыми злыми глазами, бросил словоохотливому отроку, проезжая мимо:

— Даниил, все мелешь языком пустое?

Дружинник с насмешливой улыбкой, в которой чувствовалось презрение к этому грубому человеку, не державшему за всю свою жизнь ни одной книги в руках, ответил:

— Язык мой, господин, как трость скорописца и уста мои как быстрота речная...

Фома хорошо знал, что Даниил, дерзкий отрок с красивыми глазами, сын рабыни, но нарядный, как княжич,

переглядывается с молодой княгиней, и пригрозил ему:

— Вспомнишь мои слова, но поздно потом будет. Плохо ты кончишь житие.

Даниил оскалил белые зубы.

— Не взирай на меня, господин, как волк на ягненка. Что я сотворил тебе недоброе?

— Не имеешь ты почтения к старшим, преисполнен гордыни.

— А почему не быть мне гордым? Вострублю, как в золотокованные трубы, во все силы ума своего и заиграю в серебряные органы гордости своей.

Отрок подбоченился левой рукой, а правой натянул поводья.

Хмурясь, Фома отъехал прочь и сказал:

— Наполнен ты словами, как горшок горохом.

— Как тула стрелами. И все они попадают в цель, — возразил зубастый отрок.

Илья Дубец, мотнув головой в сторону воеводы, заметил:

— Ты истину сказал. Зол он, как волк.

Речь у Ильи была спокойная и неторопливая, как у всех людей, которые знают, что такое жизненные испытания. Этот сильный человек пережил на своем веку немало горя, испытал пленение и раны, видел смерть близких людей от руки врага. Как и Даниил, он был тоже смерд родом и земледелец, начал жизнь в те страшные годы на Руси, когда часто горели гумна и половецкая конница топтала русские нивы, запомнил налет саранчи на поспевающее жито и страшные знаменья на небесах, но уцелел среди подобных несчастий и даже носил золотое ожерелье, полученное из рук князя. Злат, которому старый дружинник отчески покровительствовал, родился на много лет позже, когда наступила тишина и Мономах прогнал половцев в далекие безводные степи. Молодой гуслар не участвовал в страшных конных сражениях. Он беззаботно смотрел на окружающий мир и улыбался, вспоминая, что в хижине у Кузнечных ворот живет сероглазая Любава и напевает песенку о веретене.

Мономах смотрел на белые деревья, и ему представлялось, что в мире только что умолк псалом, воспевавший мудрое художество мироздания; он снял рукавицу с правой руки и вытер пальцами влажные глаза. Старому князю был дан слезный дар: когда этот человек входил в храм и слышал церковное пение или читал в книге о страданиях праведного мужа, у него тотчас лились из глазниц обильные слезы.

Во многом отличался он от прочих людей и до седых волос не переставал удивляться различию человеческих лиц, среди которых нет двух одинаковых, и тому, как все целесообразно устроено в мире — от малой былинки до небесных светил. Порою, отложив в сторону меч, князь брал в руки перо, омочил его в чернила и писал трогательные письма. В одном из таких посланий ему посчастливилось сравнить гибель юноши с увяданием цветка. Этот непобедимый воитель, именем которого половецкие женщины пугали плачущих детей в ночных вежах, из страха перед которым дикие ятвяги не смели вылезать из своих болот, испытывал нежность к птицам, поющим в дубравах. Он иссек и потопил в быстротекущих реках двести ханов и столько же взял в плен, не считая множества простых воинов, и однажды в припадке гнева так разгромил Минск, что в городе не осталось ни одного человека; но, пролив столько крови и не раз черпая золотым шлемом воду в половецких реках, сладостную в час победы, Владимир Мономах более всего на свете ценил мир, не любил обнажать оружие. Неоднократно он посылал сказать половецам:

— Не ходите на Русь!

Однако безумные сыны Измаила не слушали предостерегающего голоса, вдруг появлялись в переяславских полях, и тогда на них обрушивались русские мечи.

Теперь приближался конец жизни, и санный путь напомнил старому князю, что скоро настанет смертный час и его бранные останки повезут по древнему обычаю на санях, запряженных волами,— даже среди яблонь в цвету или в день жатвы,— и положат рядом с возлюбленным отцом, в мраморной гробнице в храме святой Софии. При мысли о том, что уже недалек час, когда придется предстать перед строгим судьей, он перебирал в памяти свои прегрешения. Разве всегда ходил он прямыми путями? Но окольная дорога, защищал себя князь, обычное средство мудрого правления. Да, он пролил море крови, однако не ради собственной выгоды. Зато никогда не предавался лени, трудился по мере сил, чаще спал на голой земле, чем на мягкой постели, предпочитал носить бедную сельскую одежду на ловах, чтобы не рвать о тернии греческую парчу, всегда был воздержан в пище и питье, и когда другие пожирали рябчиков и тетеревов, лили из серебряных чаш вино в ненасытные глотки, он довольствовался куском хлеба и глотком воды; он был бережлив, сам присматривал за всем в доме и церкви, на княжеском гумне и на погостах во время

сбора дани. Он избегал блуда и грешных помышлений.

Дорога вновь углубилась в лес, и опять с обеих сторон появились во множестве белые деревья. Розовое солнце медленно, точно из последних сил, поднималось в зимней мгле к полудню. Вдруг на дальней поляне, с подветренной стороны, выскочило стадо оленей. Мономах даже разглядел пар, с силой вырывавшийся у животных из теплых ноздрей. Но звери исчезли, как во сне, напомнив князю о прежних ловах, в молодые годы. Сколько раз в своей юности он гонялся за подобными легконогими созданиями, поражал копьем черных туров или щетинистых вепрей, ловил петлей диких коней в черниговских пущах! Неоднократно ему приходилось быть на краю гибели. Два тура метали его рогами, бодал олень, один лось рогами бил, другой ногами топтал. Однажды вепрь сорвал у него с бедра меч, медведь прокусил потник у самого колена, а лютый барс вскочил на бедра и повалил вместе с конем на землю. Много раз он падал с коня, повреждал себе голову, руки и ноги, не говоря уж о том, что часто подвергался смертельной опасности во время сражений и походов. И если отец посылал его в дальний путь, он выполнял самые трудные поручения и никогда не нарушал отцовскую волю.

В те времена на многих ловах его сопровождала молодая жена с непривычным для русского слуха именем. Среди этих зимних картин Гита вспоминалась светловолосой и зеленоглазой красавицей, разрумянившейся на морозе. В такие поездки на нее надевали красную шубку, отороченную горностаем. У нее были маленькие руки, не знавшие никакой работы. Она пренебрегала пряжей и могла часами думать о каких-то неведомых городах, странных растениях, диковинных птицах, устремляя туманный взор вдаль. Плавными движениями Гита напоминала лебедя. Недаром ее матери дали в английской стране красивое прозвище — Лебединая Шея. Но Гиты давно уже не было в живых, и разве он не ехал в Переяславль с тайной мыслью в последний раз поплакать у ее гробницы?

Мономаху приятно дремалось в пахучем тепле овчины. В памяти возникали обрывки воспоминаний, теснились далекие образы, оставляя на сердце горечь или умиление, но за этими легкими мыслями неотступно следовали страшные видения прошлого, один за другим появлялись в воображении жестокие люди, воины с окровавленными мечами в руках. Почему-то вспомнилось розоватое лицо Яна Вышатича, его седые тараканьи усы. Это был представитель

старого знатного рода, сын воеводы Вышаты, коварно ослепленного греками, брат корыстолюбивого Путяты, легкомысленную дочь которого люди прозвали Забавой. Для деда Яна, новгородского посадника Остромира, дьяк Григорий, великий искусник в книжном деле, переписал знаменитое Евангелие. Прадедом Яна тоже был посадник, по имени Константин, сын Добрыни, считавшего себя потомком Люта и прославленного воина Свенельда. Вместе с ликом Яна появились из мрака забвения события прошлых лет, то смутное время, когда христианская вера еще не утвердилась окончательно на Руси и волхвы волновали смердов бесовскими баснями. Тогда пришел один из них в Киев и стал рассказывать народу, что Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться — греческая земля станет на место Русской, а наша на место греческой и прочие земли поменяются местами. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря, что это бес играет им на погибель. Так и сбылось, и в одну из ночей волхв пропал бесследно. Впрочем, прошел слух, что это княжеские отроки убили его и бросили труп в реку.

Опять блеснули холодным огнем голубоватые глаза Вышатича. Воевода служил тогда князю Святополку и собирал для него дань в глухой Ростовской области. Но тем летом в тамошних местах случился великий неурожай, и в темных медвежьих лесах среди людей началось смятение. Однажды явились из Ярославля два волхва и говорили, что знают, кто прячет запасы. Они отправились по Волге и всюду, куда ни приходили, указывали в погостах на богатых женщин. Несчастных приводили к кудесникам, и они, мороча людей, прорезали у них за спиной и вынимали оттуда то жито, то мед, то рыбу и многих жен убивали. Когда волхвы очутились на берегах Белоозера, вокруг них уже собралось триста смердов, и они убили княжеского попа, заблудившегося в лесу. Ян поспешил выйти на мятежников, хотя отроки уговаривали его не ходить с малой дружиной против такого множества злодеев. Однако воевода заставил белоозерцев выдать ему волхвов, угрожая в противном случае остаться у них на всю зиму. К нему привели связанных кудесников, и боярин спросил их:

— Зачем вы погубили столько людей?

Они ответили, мрачно потупляя взоры:

— Богатые прячут жито, и если истребить их, то по всей земле будет изобилие. Если хочешь, мы и пред тобою вынем у любой знатной женщины припасы из спины.

— Это ложь,— сказал Ян.— Бог сотворил человека из персти, и в нашем теле ничего нет, кроме костей, мяса и жил.

Волхвы возражали:

— Мы знаем, как сотворен человек.

— Как?

— Бог мылся в бане, вытерся тряпицей и бросил ее с небес на землю. Тогда сатана стал спорить с ним, кому создать человека, и сотворил его из этой ветошки, а бог вдунул в него бессмертную душу. Если человек умирает, его тело идет в землю, а дух улетает на небо.

Ян был весьма раздосадован такими нелепыми словами.

— Поистине вас прельстил бес. Скажите мне, в кого вы веруете?

Они ответили:

— В антихриста.

— Где же он?

— Сидит в бездне.

Ян стал говорить волхвам о том ангеле, что возгордился паче меры и был низвергнут с небес в преисподнюю. Потом спросил:

— Знаете ли вы, что вас ожидает в будущем?

— Нас ожидает спасение,— самоуверенно отвечали волхвы.

— Нет. Прежде вы примете муку от меня, а когда придет ваш час —² смерть от бога.

Но кудесники смеялись над его угрозами.

— Наши боги говорят, что ты не можешь причинить нам зло.

— Лгут ваши боги.

Мятежники дерзко требовали:

— Ты нам не судия. Мы должны предстать пред князем Святославом. Только ему надлежит судить нас.

Видя, что волхвы не хотят покориться, Ян велел бить злодеев и вырвать у них бороды, обрекая их не только на жестокие муки, но и на великое бесчестие и надругание.

— Что говорят вам боги? — спрашивал воевода.

— Велят предстать пред князем Святославом.

По причине такого упорства Ян приказал привязать безумцев к ладейной мачте и вложить им в уста, наподобие конских удиц, обрубки дерева. Отроки, шедшие берегом, тянули за веревки, привязанные к этим деревяшкам, и так тащили ладью, разрывая рты волхвам. Когда приплыли на Шексну, Ян еще раз спросил обреченных:

— А что ныне говорят вам боги?
— Говорят, что не быть нам живыми от тебя.
— Теперь они говорят истину,— рассмеялся жестокий Ян.

Волхвы стали умолять воеводу:

— Отпусти нас — и получишь множества добра.

Но Ян махнул рукой, и воины зарубили волхвов мечами, а тела их повесили на дубе. В первую же ночь медведь взлез на дерево и пожрал трупы. Так погибли обольщенные бесом волхвы, не предвидевшие своего смертного часа.

Почему вдруг вспомнился на зимнем пути страшный рассказ о том, что произошло тогда в Ростовской земле? Не потому ли, что вся жизнь была полна подобных бед и соблазнов — то мятежей и поджогов, то половецких набегов и гибельных засух? Князь иной раз удивлялся, что, несмотря на такие испытания, русский народ не уронил драгоценные жемчужины своей души в прах — трудился не покладая рук на нивах, строил прекрасные храмы и славил в песнях свою страну.

Еще один знакомый образ возник из тумана прошлого. Это был надменный Ратибор, некогда тмутараканский посадник. Он говорил, беззвучно шевеля губами, убеждаясь разводил руки и прижимал их к груди, в чем-то оправдываясь, как в ту ночь, когда хан Итларь доверчиво въехал в переяславские ворота... Мономах тяжело вздохнул. Однако перед ним уже стоял поп Василий, тот самый, что написал повесть об ослеплении князя Василька, читая которую с сердцем, преисполненным ужаса, люди до сего дня проливают слезы.

Другие образы вставали из гробниц. Князь Олег, митрополит Никифор... И вдруг среди зимы забурили страшные воды Стугны. Она широко разлилась в ту весну, преграждая путь отступления русским воинам, бежавшим после несчастной битвы. Брат Ростислав, въехавший в реку на коне, был свержен с седла сильным течением и стал тонуть. На нем была слишком тяжелая кольчуга. Он простирали руки, призывая на помощь. Увы, быстрота струй разделила братьев навеки...

Перейдя с остатками дружины Стугну, Мономах горько плакал о смерти брата и с великой печалью возвратился в Чернигов. Это было единственный раз, когда он, да и то из-за беспорядочных распоряжений Святополка, потерпел поражение. Но старый князь не любил вспоминать об этой битве, и снова все осветила улыбка Гиты. Кто нам скажет,

на погибель или на утешение создана женская красота?

В лето, когда Мономах впервые услышал о существовании Гиты, людям были посланы ужасные предзнаменования. В западной части небосклона появилась красная звезда, напоминавшая огненный меч архангела. После захода солнца она тихо плыла в небесных пространствах, предвещая бедствия и войны, и так продолжалось в течение семи дней, от вечера до утренней зари. Вскоре после этого рыбаки выловили неводом в реке Сетомле младенца, столь безобразного видом, что описать невозможно из-за его срама. Люди рассматривали чудище до самой ночи, а затем снова ввергли в реку. В те же дни переменялся цвет солнца, и дневное светило стало подобным луне. Мономах читал в книгах, которые ему приносил митрополит, человек великой учености и острого ума, о таких же предвестиях в отдаленные времена. Так, при кесаре Нероне над Иерусалимом вдруг засияла звезда в виде копья, и вслед за тем последовало нашествие римлян. Подобное же повторилось в царствование Юстиниана. И вот снова с небес срывались и падали звезды, и люди, пришедшие из Корсуни, рассказывали как достоверное, что в Африке некая женщина родила девочку с рыбьим хвостом, а в Сирии произошло ужасное землетрясение, земля разверзлась на три поприща и вышедший из расщелины мул заговорил человеческим голосом, так что все видевшие это считали, что наступает конец света.

II

Мономах вспомнил, что Гита часто ездила по переяславской дороге, смотрела на эти дубы — то в зелени листвы и отягощенные желудями, то в зимнем уборе. Но столетние деревья по-прежнему стоят, пережив все бури, а ее уже нет на свете.

В той стороне, где в час заката солнце погружается в Океан, стоит остров, омываемый со всех сторон морем. Иногда его окутывают такие непроницаемые туманы, что жители не могут найти дверь своего жилища. Там родилась в королевском дворце Гита, дочь Гарольда.

Когда на лондонском небосклоне появилась страшная звезда и взволнованные вестники сообщили об этом королю, он сидел на троне, подпирая усталую голову. Обсуждая государственные дела, Гарольд до наступления темноты

оставался в зале совета. Но, узнав о событии, он ужаснулся и тотчас же поспешил подняться на дворцовую башню, чтобы наблюдать с высоты ее небесное явление. Его царствование только что началось, и вот трезога уже наполняла сердца подданных. Глядя на комету, король спрашивал себя мысленно, что она сулит ему и его дому. У него было три сына и две благонравные дочери. Мальчиков звали Годвин, Эдмунд и Магнус, дочерей — Гунгильда и Гита. Зеленоглазой дочери только что исполнилось девять лет. Она походила лицом, телом, походкой и душевными качествами на свою мать, именем Эдит, но которой певцы дали за красоту милое прозвище — Лебединая Шея. Однако английская корона едва держалась на голове у Гарольда, и, чтобы упрочить свое положение, король оставил любимую подругу и женился на Эльгите, вдове Граффиды, внучке влиятельного графа. Таким союзом он надеялся положить конец распри двух домов — Годвина и Леофика, а кроме того, пытался хотя бы узами брака привязать к Англии мятежную Нортумбрию.

Все шептались вокруг, что комета предвещает новую войну. А между тем хронисты уверяют нас, что Гарольд был добрый и миролюбивый правитель, благочестивый и почитавший епископов и аббатов христианин, покровитель монастырей, приветливый с добрыми и суровый со злодеями король, требовавший от своих эльдорменов и шерифов, чтобы они беспощадно казнили преступников. Впрочем, не следует забывать, что хроники писались монахами, а они охотно прославляли своих благодетелей, даривших аббатствам поля, мельницы, золотые сосуды, скот и рабов. Но, может быть, и в самом деле Гарольд был полон добрых намерений, только на его пути стояли препятствия всякого рода и неблагоприятные обстоятельства... В тот год в месяце феврале средь бела дня в Англии внезапно наступила кромешная тьма и продолжалась три часа. Затем на море разразилась ужасающая буря, а теперь появилась эта самая комета. Люди выходили из домов на улицы и со страхом смотрели на небо, передавая из уст в уста слова одного столетнего старца, твердившего, что эта звезда — предвестница горя для тысяч матерей. С каждым вечером свет ее становился все более зловещим, и казалось, что она грозит гибелью всему человеческому роду. В той части королевского дворца, где остались жить дети Эдит, маленькая Гита тоже с волнением рассматривала страшную не-